

Из редакционной почты

Источник: Мешалкина К. О повести В. Тендрякова // Советская педагогика. – 1975. – № 2. – С. 146–149.

О повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска»

Каждый год, когда покидают нашу школу выпускники, звучат оркестр, напутственные слова учителей, взволнованные, чаще всего не очень гладкие ответные речи выпускников. И в каждом городе есть заветное место, куда они любят отправляться после последнего школьного бала. Всюду есть места, которые святы для всех, — те, что связаны с революционными событиями или Великой Отечественной войной. И у нас есть такое место. На пустынном берегу Белого моря, в отдалении от города, высится обелиск. Он поставлен тем, кто погиб от ран в госпиталях во время войны. Сюда приходят по традиции те, кто вступает в жизнь. 9 Мая побережье заполняют тысячи людей всех возрастов, звучат слова памяти и клятвы верности тем, кто сложил голову в войне с фашизмом. В ночь после выпускного бала там по традиции собираются выпускники всех школ. Отблески моря в белой ночи делают обелиск еще величественнее на фоне осен...

Обо всем этом невольно вспоминаешь, когда читаешь повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска». Тревога нарастает от страницы к странице. Неужели мы так плохо знаем своих учеников? Неужели мы так и не сумели научить их «самому простому, банальному из банального, тому, что повторялось из поколения в поколение, что вошло во все расхожие прописи — вроде: уважай достоинство ближнего, возмущайся насильем...»? О каком уважении достоинства может идти речь, если развязный Сократ Онучин осмеливается сказать учителю: «Разрешите стрелкнуть у вас сигарету», ссылаясь на равные гражданские права! А поведение «нешаблонно мыслящей личности»? «Увидела — не вытанцовывается, давай обругаю школу» — как сказал Генка об «удивительной» и «необыкновенной» Юлечке.

И действительно, она удивительная. Удивительная тем, что с представлениями о жизни отличницы 50-х годов ей пришлось жить в 70-е. Современные отличники целеустремленнее, не ограничиваются, как правило, школьной программой, хотя и не так самоуверенны, что готовы штурмовать любой московский вуз. Хорошо известно, как много старшеклассников учится сейчас на различных курсах, занимается в факультативах. Вряд ли большой восторг вызы-

вает в наши дни ученица, ничего не видящая, кроме учебника, забившаяся в «нору» от своих сверстников.

Однако, не давая ответа на поставленный в повести вопрос, чьи методы работы лучше и надо ли пестовать только выдающихся, а остальных лишь знакомить с предметом, автор вольно или невольно убеждает в искусственности этого спора. То, что дается в школе, не проходит бесследно. Прочные знания превращаются в убеждения, правильное поведение в течение 10 лет школьной жизни становится нормой. Совершенно не случайно именно Юлечка раньше и правильнее всех реагировала на то, что может свершиться подлость, преступление. Такие контрасты в ее поведении и приводят к мысли о надуманности ситуации. При всем смятении выпускники перед необходимостью выбора жизненного пути, при всей «безапелляционности» суждений первой ученицы трудно представить такое недоброе отношение к школе. Дело не в том, что Юлечка не готова выбрать, «по какой дороге... идти», и не в том, что в решении этого вопроса ей мало помогла школа. Нестрашным кажется ее «казалось ничего не люблю». Становление личности, ее интересов, творческих наклонностей не всегда совпадает с окончанием школы. Удивляют ее слова о школе, которую она любит «как волчонок свою нору».

Выступление Юлечки дает повод и другим высказать свое отношение к школе. К сожалению, оценка деятельности школы дается тоже безапелляционно, но с позиций не очень трудолюбивой части учащихся: «Мы хотели наслаждаться синим небом, а нас заставляют глядеть на черную доску». Нет сомнения, что эта часть повести будет импонировать тем молодым людям, кто не любит учиться. Но стоит ли играть на незрелых настроениях?

Прочитав повесть, мне захотелось узнать мнение о ней нынешних и бывших десятиклассников. «Ведут они себя как недоросли, а говорят словами взрослых умудренных людей» — вот главный их вывод. То, что они, все наши выпускники, очень разные, — естественно; что далеко не все определились в выборе дальнейшего пути — нет спора; что не все еще до конца себя поняли — не удивительно. Обычно говорят: опыт приходит с годами.

Опыт, к сожалению, бывает тоже различный. Сами по себе различны судьбы ребят. Проследив за жизнью выпускников последних пяти лет, учителя нашей школы могут быть удовлетворены. Многие из ребят поступили в вузы. В МГУ, например, сейчас учатся 6 наших выпускников. И факультеты, как правило, выбирают не те, что полегче (нередко поступали со второго, третьего «захода»). Многие сразу начали свой трудовой путь. Бывало, что по-разному они вели себя в трудных ситуациях. Не раз терялись на экзаменах те, за кого мы были уверены, и наоборот, большую уверенность и настойчивость проявляли в жизни те, кто особо не отличался в школе. Но в самом главном никто из них нас не подвел: они нашли достойное место в жизни. Хотя, конечно, нет правил без исключения, и другие могут привести иные примеры.

В. Тендряков показал выпускников такими, как будто в них нет самого главного, нет стержня — нашего мировоззрения, общественно значимых интересов, чувства коллективизма, нет устойчивости в суждениях, поведении. В этой школе мыслящий ученик — «событие, граничащее с чудом». Автор показывает, что большинство учеников школы — серая масса, стремящаяся следовать определенному стереотипу, а не возвышенным идеалам. Поскольку всякое литературное произведение претендует на обобщение, показ общих тенденций, то здесь или нельзя согласиться с автором, или надо бить в набат. Во всяком случае нельзя делать вид, что поведение ребят, изображенных в повести, «вполне приемлемо». Предупредить отдельные проявления потребительского образа жизни, проникновение идеологии «как все, так и я» — большая проблема. Важно воспитать человеколюбие, доброту, научить наших детей быть счастливыми, но не методами Нины Семеновны можно это сделать: «Я готова каждый день повторять: господа, дай мне силы отдать жизнь тем, кого учу! Господи, не обмани меня, сделай их всех счастливыми!» Никак не понятен испуг учительницы и ее надежды на силы небесные. Воспитание убеждений, мировоззрения остается вне поля зрения педагогов в повести, а дети проявляют неустойчивость в трудной ситуации.

Одна из родительниц, дети которой учатся в нашей школе, прочитав повесть, сказала: «У этих учителей не могло быть иных учеников, чем те, что описаны».

Повесть построена на сопоставлении учеников и учителей. (Может быть, это способ выразить извечную проблему «отцов и детей»?) Там и тут происходит взрыв, хотя ничего сначала его не предвещает. А основа одна и та же: «Каждый только думает о себе и ни в грош не ставит достоинство других». Об этом же свидетельствует похожесть двух «дуэлей». Складывается впечатление, что автор хочет показать, что «яблоко от яблоньки недалеко падает». Среди ребят Генка Голиков оказался один на один с недобрым к нему от-

ношением не только его одноклассников, но и близкого друга, носившего камень за пазухой от обиды за непризнание домогощенного гения. Неподготовленный, незащищенный, он доведен до отчаяния. И хотя от обиды он не пощадил даже чести любимой девушки, но в его правде больше доброты и общественной заинтересованности, чем в словах других. Правильное восприятие Генкой понятий личного и общественного, целомудренное отношение к любимой девушке, умение найти способ помочь товарищу, заступиться за любого — это ли не достоинства, которые надо было воспитать.

Если отрицательное дается яркими мазками, то положительные доводы в пользу героев приходится отыскивать. В жизни так обычно ведут себя не очень хорошие люди. Ничто сначала не предвещает конфликта, так как нет у ребят оснований для разобщенности и недоброжелательности по отношению друг к другу. В такие моменты (выпускной вечер!) уходит на задний план все трудное, плохое, а вспоминается хорошее, светлое. Добрый юмор окрашивает воспоминание тех событий, которые явились в свое время причиной переживаний. Вот почему сам разговор «до доньшка» кажется надуманной затеей, позволяющей показать «недоброту» ребят, вроде бы они и действительно только что из «норы», обозлены какими-то непонятными нам трудностями, которые всколыхнули зависть и самолюбие. Создается впечатление, что школьная жизнь во всем ее многообразии осталась где-то в стороне. Юноши и девушки вырваны из нее, и поэтому их поступки неоправданны. Почему вдруг им впервые пришлось говорить правду друг о друге? Сейчас, когда в школе даже оценка по поведению ученику ставится классным руководителем с учетом мнения комсомольского бюро, трудно миновать разговоров «начистоту». А общественная аттестация в ходе Ленинского зачета? Листаешь дневники комсомольских групп — и видишь, как требовательны ребята друг к другу, как умеют разглядеть и отличить настоящее от фальшивого, поддерживать хорошее, оценить проявление индивидуальности в каждом. Отрадно, что старшеклассники стали видеть не только результаты, факты, действия, но понимать отношение к делу, к людям, мотивы активности, жизненные установки своих одноклассников. Они стали глубже в своих оценках: и добрее, и строже. Им претит серость и посредственность, они ценят и замечают любое хорошее проявление личности. Самое главное, что нынешние выпускники стали правильнее оценивать свой уровень знаний, не пасовать перед неудачами (чего заранее испугалась Юлечка, хотя и собирается «штурмовать» любой московский вуз). «Не могут такие ребята вдруг стать непримиримыми врагами, такими жестокими друг к другу», — говорит одна наша бывшая выпускница (ей не очень повезло, дважды не «добрала» по баллу при поступлении в

университет; сейчас работает и готовится поступать в третий раз на тот же факультет).

Совершенно неприемлемым кажется то, что все события разворачиваются на фоне обелиска и что он будто бы «примелькался, перестал привлекать внимание». Ставится в один ряд по значимости для ребят совершенно несравнимое: обелиск, мороженое, «река, где клюют пескари», «Ну, погоди!» с удачливым зайцем. А далее уже совсем удивительные вещи: по такому же принципу автор сопоставляет отношение выпускников к различным фактам истории. И хотя действительно для этих молодых людей «война — далекое время, когда их не было на свете», но совсем небезразличны для них (как и всех нас) решающие вехи нашей истории. Героика революции, Великой Отечественной войны, как бы далеко ни отодвигались сами события и даты, будет всегда основой в формировании идеалов молодежи. Наши ученики выросли на примере подвиги дедов и отцов своих, они знают многое в деталях и участвуют активнейше во Всесоюзном походе по местам боевой и трудовой славы нашего народа, они (даже самые «современные» по внешним проявлениям) уходят притихшими и задумчивыми после слета трех поколений, встреч с ветеранами.

Да где же есть в нашей стране такое место, где «нет повода... замечать» этот обелиск, где не лежат у его подножия живые цветы в любую пору? Куда же исчезли люди, чьих близких имена высечены на обелиске? Нет, не такими Иванами не помнящими родаства растут наши дети. И утверждать обратное было бы неправдой. Сегодня можно уверенно говорить о возросшей общественной и политической активности современных старшеклассников. За последние годы учащиеся старших классов все решительнее включаются в общественно-политическую жизнь общества, горячо откликаются на политические события. Вместе с рабочими, колхозниками, студентами старшеклассники участвуют в Ленинском зачете, всесоюзных комсомольских собраниях, трудовых делах взрослых. Все это накладывает отпечаток на становление личности выпускника школы. Но в повести все это оказалось «за кадром».

Горячие споры по разным вопросам обучения и воспитания не редкость в среде учителей, так как это люди, в абсолютном своем большинстве заинтересованные в судьбах ребячьих, в становлении растущего человека. Было бы необъективно утверждать, что в школе не встретиться с похожими (как в повести) фактами и людьми. Все это бывает. Волнует иное. Особенность — похожесть двух «дуэлей». С одной стороны, непонятная озлобленность ребят. С другой — не менее недобрая позиция учителей в отношении друг друга. Ведь во многом справедливые, но жестокие и не ко времени сказанные слова Ольги Олеговны — то же нежелание понять душевное состояние человека, тот же мак-

симализм в суждениях, после которых «не спала, плакала в подушку Зоя Владимировна, старая учительница, начавшая свое преподавание еще с ликбеза». И заплачешь, пожалуй, если перечеркивается одной фразой вся прожитая многотрудная жизнь, да еще заодно сводится на нет все, что делает школа в воспитании подрастающего поколения! Не за себя здесь волнуется старая учительница, приложив платок к покрасневшим глазам: «Последнее скажу: любила свою школу и люблю! Да! Ту, какая есть! Не представляю иной! Рассадник грамотности, рассадник знаний. И этой гордости за школу никто не отнимет! Нет!»

Школа на каждом этапе развития выполняет свои особые задачи. Они усложняются — возрастают и требования к учителю. Все это понятно. Но зачем такое смещение понятий, смещение времени? Действительно, той части учительства, которую представляет Зоя Владимировна, может быть, и не всегда удавалось получить знания в достаточном объеме. Многие из них учились заочно и больше времени тратили на просветительскую работу, чем на личное самообразование. Ликвидировать неграмотность в столь короткие сроки не так-то было просто. Но ведь все мы, люди среднего возраста, выучены и воспитаны именно этим поколением учителей. Было бы большой неблагоприятностью сказать, что они не дали нам знаний, что они не научили нас любить, не воспитали самого главного — чувства ответственности за свои дела. Вышедшие недостатки в нашей работе было бы неоправданным сваливать на ветеранов учительского дела.

И отношение к молодым учителям тоже не совсем обоснованное, особенно к тем, кто окончил областной вуз. «Вам ли не известно, что в областной пединститут, увы, идут те, кто не сумел попасть в другие институты. Десять против одного, что на смену Зое Владимировне придет не способный раздуть святой огонь Пушкина и Толстого. Не рассчитывайте на Прометеев...» Такое категоричное утверждение директора школы кажется по меньшей мере опрометчивым. Во-первых, в 70-е годы в связи с резким увеличением численности учащихся, заканчивающих среднюю школу, стало не так-то просто поступить в областные вузы. Требования там не ниже столичных и конкурс порой не меньше. Во-вторых, именно выпускники областных вузов и обеспечивают основную потребность в учительских кадрах. Многие молодые учителя радуют нас и своей эрудицией, и любовью к детям.

Дискуссии о том, учить ли в средней школе всех или только способных, еще не утихли. Не случайно в характеристиках выпускников восьмых классов можно еще встретить и такое: «учиться не любит, рекомендуем идти в ГПТУ». Несмотря на то что программы серьезно изменились и стали ближе к жизни, не перевелись еще учителя, которые, как Павел Павлович, являются в школу, чтобы «дать уроки и исчезнуть». Диву даешься, когда он успевает

разглядеть тех, которые «могут стать чрезвычайно ценными членами общества», и определить, кому надо «дать общее понятие о физике». Такой учитель не будет, как Зоя Владимировна, добиваться, чтобы материал понял и не очень способный ученик, чтобы заставить посерьезнее отнестись к делу нерадивого ученика, чтобы помочь пропустившему уроки по болезни. Признать правильной позицию Павла Павловича — значит прийти к выводу о том, что нет надобности отдавать «кусочек жизни» тем, кто не преуспеет в этой области знаний, нет необходимости тратить силы на каждого ученика, чтобы помочь ему подняться на ступеньку в овладении знаниями и в развитии. Подобные настроения, к сожалению, живут. Нередко учителям удобнее с таких позиций объяснить свое нежелание поработать побольше с теми, кому трудно дается предмет, а при выведении неудовлетворительной оценки сослаться на то, что ученик попросту «не усвоил материал», тем самым утверждая свое право на двойку и оставление ученика на второй год.

Много писалось и будет написано о школе. Школа — сложный социальный организм. Поэтому говорить о ней надо очень точно, зная ее сегодняшний день, ее проблемы и перспективы.

К. Мешалкина

Жизнь и схема

Воспитание детей — одно из наиболее сложных явлений жизни. Оно касается всего общества, внимательно наблюдающего за тем, какими растут наши дети; оно касается и каждого отдельного человека, желающего добра и счастья своему ребенку. И хотя за воспитание отвечают все, больше всего и прежде всего за него отвечают педагоги — люди, которых специально научили и которым специально поручили заниматься этим делом. Педагоги по преимуществу народ творческий и ищущий. Сама жизнь заставляет: все большего внимания требуют к себе дети и все внимательнее и критичнее наблюдают за работой школы родители. Поэтому естественно, что всякий педагог с большим интересом относится к статьям, книгам, художественным произведениям, посвященным школе. Он ищет ответа на волнующие его вопросы, он жаждет обогатить себя новым знанием. Уверен, что с интересом прочтут педагоги и новую повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска».

Когда переворачиваешь последнюю страницу повести и начинаешь размышлять, сами собой напрашиваются мысли о том, что в небольшом по объему произведении автор задумал отразить прошедшее,

настоящее и будущее нашей школы, что он решил сделать это в острокритической форме и заставить общечеловечность обратиться к наиболее важным вопросам воспитания. Но в какой мере это удалось автору повести?

Прежде всего, после прочтения повести и даже еще в процессе чтения формируется твердое убеждение, что автор идет не от жизни современной советской школы, а от своего, скажем сразу, одностороннего представления о ней, и это представление он настойчиво навязывает читателю. Именно навязывает. Он рассуждает устами своих героев-учителей о том, что школа была плохой, остается плохой, и неясно, что нужно делать, чтобы она была лучше. В школе плохо все: программы, методы обучения, сам принцип ее построения как единой для всех, плохи учителя. Эта идея «плохости» довлечет над всем, она — главное в пессимистическом споре в учительской. Образы всех учителей удивительно схематичны. Сразу ясно, кто представляет старую школу, кто сегодняшнюю, кто завтрашнюю. Тут все прямолинейно. Вот, например, «директор школы Иван Игнатьевич, величественный мужчина с борцовскими плечами». Под статью ему Ольга Олеговна, которой «давно за сорок», и хотя ее «легкая полнота не придает внушительности, энергия таилась лишь в больших, темных, неувядающе красивых глазах. Да еще голос ее, грудной, сильный, заставлял сразу настораживаться». Это — одна линия образов. Они понимают, что дело плохо, но на них возложена ответственность — и они держатся. Вторая линия — это те, кто представляет в школе зло, что является для школы опасным, от чего надо избавляться. Это Зоя Владимировна. Она творит в школе опасное дело, и все, что она делала и делает, — из рук вон плохо. Ее и жизнь обидела и дети не любят. «Зоя Владимировна поднялась со своего места, испушенно-плоская, негнущаяся, с откинутой назад головой, на посеревшем, сжатом в кулачок лице — мелкие, невнятно поблескивающие глаза». Наконец, третья линия образов — борцы за новую школу. Это люди крепкие, бывшие фронтовики, способные отстаивать свои идеи, преподавать не по программам, а по-своему, не ждать от облоно и министрств ничего, кроме нагоняев и требований. Один из них, Решников, «нескладно высокий, крепко костистый, с апостольским пушком над сияющим черепом, лицо темное, азиатски-скуластое, плоское, как глиняная чаша». Другой — Иннокентий Сергеевич, у которого «под глазом, выше рваной скулы, подергивается живчик».

Итак, характеры обозначены, роли распределены, все собраны в одно место, в учительскую, в критической ситуации. Созданы все условия для того, чтобы поспорить о школе. Что же является предметом спора? Во-первых, содержание образования и методы обучения. Дети плохи потому, что негодно содержание образования и примитивны методы. Все надо